ТЕАТР, ПОВЕСТВУЮЩИЙ О ПОДВИГЕ

ВСЕ ДАЛЬШЕ и дальше в глубь времен уходят пережитания войны, но кажется порой, что никто не замечает двух с половиной десятилетий, за которыми остался последний день последней войны. Молчаливые люди сами с уста приходят к руинам Брестской крепости, на Мамаев курган или на какую-нибудь безымянную речку, именовавшуюся некогда громким и страшным словом «фронт». И едва ли не в каждом белорусском селе и по сей день встретятся женщины, которые еще ждут чьих-то возвращений, хотя даже листок похоронных уже истлел в сундуках. Видно, никогда не наступит конец ожиданию, не прервется связь времен и не придет день забвения, потому что и в мир новых поколений каким-то неисповедимыми путями вошла частица пережитого тем, кто появился на земле раньше них и кому выпали эти неслыханные испытания. Не знающие войны хотят понять смысл всего происшедшего, всего, что связано с таким простым и непостижимым понятием — человек на войне...

И потому с каждым годом все больше поток людей к святыням нашей Родины, все отчетливее тропы и затерянным в лесах партизанским землянкам. И все пристальнее внимание к произведениям искусства, повествующим о подвигах народа. И бесконечно высока мера ответственности художников, воплощающего эту вечную тему.

О революции, о войне, о героях, известных и неизвестных, создано немало книг, изданы воспоминания и документы, воссозданию во всей полноте образ тех героических лет.

Писать о войне стало трудно. И в белорусском искусстве, где героическая тема всегда была материальной, — так уж сложилась судьба народа — художники настойчиво ищут новых путей ее воплощения.

ТРИ ПОСЛЕДНИХ театральных сезона в Белоруссии прошлись на годы великих дат — полувековых юбилеев Советской власти, Белорусской республики и Компартии Белоруссии. Значимость этих событий не умещалась в границах обычных торжеств. Половина столетия почти непрерывной борьбы... Какой простор для разумий художника, какие неисчерпаемые возможности для глубоких философских обобщений!

И каждый театр республики пишет свою пьесу. Естественно, докладные документальной повести Сергея Граховского «Рудобельская республика», открывающей почти не исследованные в белорусском искусстве пласты народной жизни, чрезвычайно богатые острыми драматическими коллизиями, не могло не привлечь внимания театров. Ее поставили Театр имени Янки Купалы (драматургический вариант и постановка И. Попова).

В сущности, драматургическую версию купаловцев нельзя назвать инсценировкой: созданная Т. Абдумовской, С. Граховским и Б. Лученко «Рудобельская республика» слишком далека от ее прозаического варианта, она с конкретным прицелом — только для своего спектакля, для совершенно определенного его сценического решения (режиссер Б. Лученко).

С первой реплики купаловцы заявляют, что они покажут «сценическое действо», в котором театр оставляет за собой право на любую театральную условность, сценический прием, словом, на все, что позволит достигнуть предельной выразительности. Это спектакль-раздумье, в котором главный герой — героическое время. И с первой же сцены с подчеркнутой лемонстративностью снимается «интерес к интриге» — театр заявляет заранее, как сложатся судьбы главных героев спектакля.

Луч света вычватывает из темноты, словно из глубин времени, лица первых коммунистов Рудобелки. И каждый, как солдат на поверке, произносит только несколько слов: «Максим Ус. Застрелили легионеры у Новой Дубравы. В двадцатом. Отбивался до последнего патрона». «Левон Одинец. Погиб в сорок втором. Сражался в минском подполье». «Александр Соловей. Погиб в августе двадцатого у местечка Кольно. Прикрывал обоз раненых. Нас было семеро. Уланов — целый взвод...».

Все они были солдатами, призванными революцией. И сейчас, через полвека, они могут прямо взглянуть в лицо времени — они до конца выполнили свой солдатский долг. И каждый из них — ценой жизни.

Сменяются сцены-кадры. Театр сосредоточивает внимание то на конкретном эпизоде, то бегло пересказывает происшедшие события, будто перелистывая страницы документов, то в массовых сценах, решенных подчас средствами плаката, подчеркивает одну какую-то мысль, вылепливая ее до предельной четкости и пластичности.

Разбитной дед Теренка (П. Кормунин), вернувшись из города, тщетно пытается объяснить мужикам, что там сейчас за власть, провозгласившая «слободу» в выпустившая из тюрем всех, кроме угнетателей. И только приезд из Петрограда их земляка, бывшего унтер-офицера, Александра Соловья (Г. Гарбук) вносит ясность — ему поручено установить в Рудобельской волости Советскую власть. В глухом полесском селе создается первая ячейка коммунистов — революцию Максим Левков (В. Белохвостик), Левон Одинец (В. Кудрявцев), Максим Ус (Б. Владимирский), Прокоп Молоснич (П. Дубовинский) раздают мужикам землю барона Врангеля, имение которого было в их волости, и когда возникает опасность, поднимают крестьян на защиту Советской власти и в бою разбивают вооруженных до зубов легионеров. Только по условиям Брестского мира в первый и последний раз ступил враг на землю Рудобельской республики. Когда в Германии началась революция, граждане Рудобелки изгнали оккупантов со своей земли, предали суду кулаков, совершивших преступления против народа. И лучших своих сынов проводили в Красную Армию, и многих, многих не досчитались потом... Таковы основные события, о которых рассказывает спектакль купаловцев.

Материал документальной повести Сергея Граховского, послуживший основой минской и гомельской постановок, не редкость драматургии и «драматургичен». Но, обращаясь к повести, театры каждый по-своему решают это произведение.

В гомельском варианте, который по праву был признан лучшим на республиканском смотре спектаклей, посвященных 50-летию БССР и КПБ, события трех героических лет воссозданы более широко и объемно, чем у купаловцев, с большей силой и убедительностью подчеркнута достоверность и историческая конкретность происходящего. Действие развивается последовательно и целостно, поступки героев мотивированы и взаимообусловлены, точно воссоздан исторический колорит. Но это — именно воспроизведение событий прошлого, драматичных, героических, полных для нас большого смысла, но все-таки уже далеких.

Купаловцы как бы смещают во времени события первых послеоктябрьских лет, проецируя их на современность. И это публицистическое сопоставление с глубокой правдивостью обнаруживает духовном родстве людей революции с нашими современниками, — создает предпосылки для больших философских обобщений. Условность режиссерского решения, предложенного В. Лученко, не противоречила творческому методу купаловцев. Более того, самыми удачными в спектакле оказались именно те сцены, в которых яркая театральность сочетается с психологической достоверностью актерской игры, обобщенность и символика — с совершенной правдой характеров. Однако излишняя полемичность по отношению к законам драмы, свойственная драматургическому варианту «Рудобельской республики», создала большие трудности в реализации режиссерского замысла. И нередко постановщик вынужден сосредоточивать внимание не столько на поисках удачного решения сцены, эпизода, сколько на том, чтобы с помощью внешних приемов, эффектных построений скрыть драматургические мели. Но нельзя не заметить, что многие недостатки спектакля специфичны, они явились следствием творческого эксперимента.

ОБРАЩЕНИЕ к героической теме проникновенно прежде всего творческими помыслами театра. После войны, в 1947 году, купаловцы создали прекрасный спектакль «Константин Заслонов» А. Мовзона, принесший славу театру, в течение многих лет не сходивший со сцены. Но когда через два десятилетия коллектив снова обратился к нему, возникла необходимость существенной переработки пьесы. Если прежний вариант, как говорили в театре, «имел целью заострить сердца людей и носил несколько агитационный характер», то теперь подвиг героя рассматривался в философском плане, конфликт решался и в сфере столкновения идей, и победа, одержанная Заслоновым в поединке с фашизмом, была прежде всего победой идеологии, мировоззрения советского человека.

И еще один театр — Могилевский областной — обращается к пьесе, которая десять лет назад принесла ему неисторический успех. Это «Главная ставка» К. Губаревича — произведение, в основу которого положены подлинные события, происшедшие в Могилеве во время февральской и Октябрьской революций. В те годы «Главная ставка» была одним из лучших спектаклей и в репертуаре Русского театра БССР имени Максима Горького. И все-таки драматург счел необходимым существенно переработать пьесу, появившуюся на сцене Могилевского театра под новым названием — «Грозовой год». Новый вариант — это драма идей, это пьеса о сложном пути интеллигенции в революцию.

Поиски нового — не самоцель, это необходимое условие создания произведения героической темы. Сколько драматургов обращалось в этой теме! Но, как и прежде, остается в арсенале театра «Оптимистическая трагедия». Разве могла бы эта пьеса оказаться вне власти времени, если бы она не была новым словом в искусстве, новым на все времена?

Нелегко находить это новое, бесконечно трудно бывает отступить от привычных, уже сложившихся представлений. Спектакли, определяющие путь театра, появляются не вдруг и не сразу. Они подготавливаются всем ходом развития театрального искусства, и в известной мере их появление предрешают не только удачи, но и ошибки. Поиски нового не всегда бывают успешными, в особенности в произведениях, трактующих такую сложную тему, и при их оценке, очевидно, надо различать не только конкретный, «сиюминутный» результат, но и направление этих поисков — насколько они развивают и обогащают традиции национального героического театра. Лучшие белорусские пьесы, когда бы они ни были написаны, отличают мастерство создания народных характеров, гуманистическое мироощущение, нерасторжимое единство судьбы человека и судьбы народа. Вспомним: «Отечество» К. Чорного, «Партизаны» К. Крапивы, «В пущах Полесья» Я. Коласа, «Константин Заслонов» А. Мовзона, «Люди и камни» К. Губаревича.

Та же тенденция определилась и в их сценической интерпретации, в спектаклях, созданных по инсценировкам прозаических произведений. И успех сопутствует театру не только в том случае, когда он обращается к таким «драматургичным» произведениям, как «Люди на болоте» И. Мележа, но и тогда, когда инсценируется, например, роман А. Адамовича «Война под крышами». Писатель убедительно доказывает, что истоки победы советского народа — прежде всего в преимуществе наших духовных принципов, нашей морали над бесчеловечностью фашизма. Великие, решающие битвы проходили не только в направлении главных ударов, но и далеко от линии фронта, под крышами полоненного поселка Лесная Селиба.

В спектакле Театра имени Якуба Коласа, созданном Ю. Щербаковым (инсценировка Т. Правдиной и Ю. Щербакова), в центре событий поставлен образ Анны Михайловны Корзун, и «Война под крышами» прозвучала как трагическая поэма о матери. В образе Анны Михайловны, созданном Галиной Марниной, во всей сложности были вскрыты принципы того осмысленного, реального оптимизма, к пониманию которого приходят все герои романа, выигравшие трудное сражение «войны под крышами». Оставшись в поселке, Анна Михайловна с большим риском пересылает в партизанский отряд медикаменты. Но существо ее высокого подвига не в этом конкретном деле. Многие люди, оказавшиеся на занятой врагом территории, ищут путь к борьбе, возможность активного сопротивления. И в этих стремлениях самая надежная поддержка для них — мужество этой женщины, «маленькой доктоpши» из поселка Лесная Селиба.

Героическая тема требует не внешнего показа, не ярких и эффектных событий, а глубокого философского решения. И лучшие произведения этой темы создаются именно в том случае, когда художник рассматривает события сложной истории народа как столкновение идей, как непримиримую борьбу двух противостоящих мировоззрений. Без этого нельзя найти ответ на вопрос, как устоял рудобельцы, не допустив врага на свою свободную землю, почему в поединке с сильным и умным врагом не дрогнул Заслонов, что помогло женщине из поселка Лесная Селиба в самые трудные дни поднимать людей на борьбу.

ВСЕ ДАЛЬШЕ и глубь времен уходят грозные годы Великой Отечественной.

Четверть столетия... Забылось ли пережитое, потускнело ли это время в памяти народа? Ответ на этот вопрос каждый человек находит в сердце своем, пройдя путями сражений Кургана Славы, окаменевшими улицами белорусской деревни Хатынь, Четыре далеких года — это не только время скорби и горя, это и неисякающий источник, в котором берет начало жизнеутверждающая вера в человека, в его мужество и доброту. И сколько бы лет ни прошло, героическая тема в искусстве останется современной и всегда найдет отклик в человеческом сердце.

В. ХАЛИП,
соб. корр. «Советской культуры».
МИНСК — ГОМЕЛЬ — МОГИЛЕВ — ВИТЕБСК.

Сов. культура, 1970, 14 февр